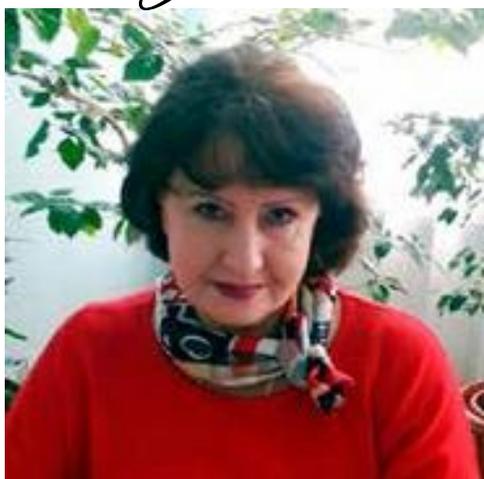

«Минувшее меня объемлет живо...»

Ольга ДАРАНОВА

ЭССЕ

менные границы, возвращает любимые тени прошлого, вызывая восторг и изумление от неразрывной связи всего сущего в этом мире, в едином потоке реки времени.

...В тот день мы встречали высокого гостя из Москвы, сопровождали его в двухдневном пребывании в нашем городе. В какой-то момент гость захотел отдохнуть, и у нашей маленькой группы выдалось свободное время. Была середина июня, жарко, зелено, хорошо дышалось. Хотелось кофе. «Поехали к Пушкину!» – неожиданно предложил наш коллега. Мы знали, что великую фамилию носит его приятель, и с удовольствием согласились.

Раньше улица Кирова представляла собой длинную вереницу деревянных домов, на задах которых буйно цвели сады, террасами спускаясь вниз, к Волге. Узкие переулки с домами, окна которых смотрели друг на друга, пересекали её, образуя несколько тесных, дружно живущих слобод. Сейчас уже не то... Старые дома вытесняются современными коттеджами, образующими свою замкнутую частную территорию с ухоженным искусственным газоном, вычурной плиткой, непременными туями, гара-

Знакомо ли вам чувство, когда, попав в незнакомое место, вдруг ловишь себя на мысли, что ты бывал здесь, жил или мог бы жить?..

Я люблю это странное чувство. Оно возникает в долгих прогулках по старым улицам и дворам, там, где присутствие волнует твою душу и рождает причудливые фантазии, и ты уже не разделяешь, где реальность, а где вымысел, потому что вымысел – это тоже жизнь твоей души, и он становится твоим бытием.

Это чувство возникает и тогда, когда неожиданный толчок в настоящем стирает вре-

жами, фешенебельными мезонинами. Старина уходит, её нещадно вытесняет нахрапистое, равнодушное настоящее. Но всё же она ещё есть в нашем городе.

Наша белая «тойота» катилась к Волге, грузно пробираясь по узким спускам между ветхими деревянными постройками. Казалось, ей тут тесно и неуместно...

Остановились перед низким деревянным домом, сами открыли калитку и вошли во двор. Щеколда щёлкнула – и пыльный, суетящийся город остался позади. Длинная тропа вела нас в чьё-то живописное частное хозяйство.

«Шум и суетолака Петербурга мне стали совершенно чужды – я с трудом переношу их. Я предпочитаю Ваш чудный сад и прелестные берега Сороти...»

Это удивительное сочетание – «деревня в городе» – всегда изумляло меня. Всего лишь переулок, скромная полоса земли разделили шумный город с несущимися по шоссе автомобилями и эту тихую, уютную пристань частных владений. Вроде ты в городе – но нет, другая здесь картина, другие пейзажи, другой ритм жизни. И воздух чище, и зелень гуще, и звуки земли ярче.

Мы попали в такое место, где трава и деревья растут вольно, естественно, растут как дышат; где покосившийся забор живописен проросшим сквозь него львиным зевом и люпином, где кроны деревьев заслоняют шатром половину поляны, а цвет чубушника осыпается и при дуновении ветра летит белой кисеей на тропинку, траву, скамейку, на всё вокруг. У старой части дома, в котором когда-то жили, а теперь использовали как летний дачный флигель, темнело высокое скрипучее крыльцо, перила с облупившейся краской, сквозь крыльцо проросла трава. Окна распахнуты, лёгкие тюлевые занавески на них дрожат. Каждая ступенька крыльца имеет свою мелодию и скрипит по-особенному. В комнатах тень, прохладно, пахнет травой. Солнце ещё не проникло в них, оно пока нежится на крыльце, пробивается дрожащими пятнами сквозь спутанные ветви нависших деревьев.

Во дворе деревянные хозяйственные постройки разного калибра: сарайчики, мастерские с садовыми инструментами и необходимой утварью, особенными, неповторимыми деталями, составляющими живописный мир имени своего хозяина. Лейки, ведра, бельё на верёвках, корзины, скамейки, тряпье, детские мячи и велосипед – всё дышит домом, солнцем, своей естественной, устойчивой правдой, миром и покоем.

Мои друзья стоят под деревом с задумчивым видом, наши мысли и чувства похожи.

...Здесь опять

*Минувшее меня объёмлет живо,
И кажется, вчера ещё бродил
Я в этих рощах. Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей...*

А хозяин уже ждёт нас, стоя поодаль на тропе. На нём лёгкое пёстрое трико, просторная блуза, на голове широкополая соломенная шляпа. Окинув нас быстрым приветливым взглядом, он обнимает своего приятеля и приветствует нас в своих пенатах.

Хозяйство у Пушкина живописно. Купив не так давно половину старого дома, он многое преобразил на его территории. По профессии архитектор, хозяин выстроил новый дом по своему вкусу и умению. Особняк стоит у самого ската к реке, фасад его обращён к Волге, а вернее, к её дальней голубеющей полосе, до которой террасами спускаются заросли старых фруктовых садов, ещё в старину посаженных здесь местными помещиками. Высокий цоколь держит просторный балкон с резными пилястрами, ажурными решётками и изящными арками под сводом для тенистости. Балкон открыт, сквозь густо перевитые ветви яблони, свисающие на чайный столик, видна Волга и её дальний берег. Рядом, на плетёном стуле, лежит связанный заботливой рукой хозяйки коврик. В углу балкона на деревянной этажерке ярусами сушится трава. Вокруг дома вьются густые заросли левкоя, аромат которого особенно хорош после захода солнца.

С балкона широкая дверь ведёт в гостиную. Посредине стоит большой овальный стол, вокруг широкий диван и кресла, покрытые пледом, зеркала на стене, цветы на столе в вазе, приглушённый свет – всё создаёт уют и покой. Потолок в доме высокий, сводчатый, напоминающий крышу терема, что делает комнату зрительно выше и просторнее. В доме ещё несколько комнат с разными входами, соединённых между собой лестницами. Кругом лёгкий беспорядок, и та обстановка, что удобна и мила своему обитателю: камин, кушетки, диванчики со множеством подушек и подушечек, этажерки с газетами, плетёные из соломки панно на стенах, напольные вазы с сухоцветом. В таком доме можно наслаждаться жизнью на природе и в то же время чувствовать комфорт в своих интерьерах.

...Хозяйка накрывает стол скатертью, раскладывает приборы, ставит вазочки с вареньем, молочник, рюмки с золотым ободком. В гостиной кроме нас ещё одна гостья, дама почтенных лет, миловидная, в платье с белым кружевным воротничком. Пахнет свежемолотым кофе, на блюде лежат пирожные. Присаживаемся к столу, едим бутерброды, пьём чай, кофе, кому что по вкусу. А вот и наливочка! Её приятный вишнёвый цвет мерцает в тонких рюмках. *«И похилился мирный разговор помещика со своими гостями...»*

*О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне...*

Хозяин смугл, улыбчив, разговорчив. Черты лица его острые, мимика подвижна, когда улыбается – видны крупные белые зубы. Он пьёт чай вприкуску с кусочками сахара, рассказывает о давнем времени, когда поселился здесь, о старой Волге и пристани, о Симбирской горе и садах на её спуске. Вот он достаёт из старинного шкафа орехового дерева потрёпанные книги, журналы прошлых лет, листает, рассказывает о деревянном Симбирске, его прежних улицах, о минувшем.

А дальше мы проживали этот день жизни, каждый как хотел. К этому располагало всё: ра-

душие хозяина, привыкшего встречать гостей, тепло и уют дома, вся атмосфера этого живописного райского уголка. Хозяин показывал нам свою территорию, любовно дотрагиваясь до каждого куста, до каждой огуречной плети, молодой зелени перцев, кабачков. В помидорной ботве уютно грелись кошки, на покосившемся заборе сушились садовые вещи. Июнь – время пионов, их тут было много, целые кущи, аромат пионов плыл в воздухе. Ирисы вспыхивали фиолетовым и бордово-белым огнём, нежно трепетали бархатные петунии, тянулись к солнцу стройные оранжевые циннии. Вдоль изгороди росли кусты смородины, малины, крыжовника. Террасы разделялись между собой яркими кустами фиолетовых рододендронов с пышными соцветиями и глянцевыми, плотными листьями. Всё жило, дышало, колыhalось. В небе был виден крестик самолёта, а внизу синева небесная сливалась с синей гладью Волги. Присмотревшись, можно было увидеть маленький прогулочный пароходик, причаливший к берегу. Белый, конечно...

Ухоженный огород здесь чередовался с диким, буйно разросшимся садом, террасами спускавшимся вниз к Волге. Чем ниже спуск, тем были гуще деревья, темнее сумрак в них. Сквозь листву и спутанные ветви мелькали скромные деревянные домики с лёгкой паутиной на стёклах давно не открывавшихся окон. Хотелось рассмотреть здесь всё, постоять у каждого куста, заглянуть в каждое оконце, посидеть на тёплой земле, спуститься вниз по этим заросшим фруктовыми деревьями скатам. Каждая ступенька приглашала задержаться, взять в руки ветку, присмотреться к листочку, вдохнуть аромат цветка.

...Двери дома открыты, чувствуется дыхание летнего ветерка. Пахнет кофе, травой и ещё чем-то уютным, исчезающим. Хозяйка подливает чай, мои друзья ведут беседу, а я молчу и не тягочусь молчанием, а наслаждаюсь им, прислушиваясь к звукам этого дня, выпитываю каждую мелочь, стараясь всё удержать в памяти. Мне нравится это необъяснимое ощущение несуетной дружеской связи, тайного внутренне-

го родства, лёгкого взаимопонимания. Нравятся эти новые люди, не стремящиеся искусственно занимать тебя, естественно живущие каждую минуту. Нравится этот островок странного смешения старого и нового, умеренного достатка и очаровательной бедности. Нравится этот день, уже угасающий, который останется в моей памяти лишь лёгким ощущением «божественного лета»... Нравится эта жизнь на земле, в саду, на балконе, на террасах, на волжском берегу, в доме-тереме и просто под небом...

«Сестра моя Евпраксия, бывало, заваривает всем нам после обеда жжёнку... И вот мы из больших бокалов – сидим, беседуем и распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи... сопровождали нашу дружескую пирушку!..»

...О чём думал поэт, сидя в Тригорском у Вульфов, на берегу любимой Сороти? Там, где река спокойно несла свои вольные воды между жёлтых песчаных берегов, в небе отшельниками плыли облака, густая трава пестрела колокольчиками, быстроглазыми ромашками и нежными васильками?.. Там, где вечерами на Савкиной горке с одинокой часовней и каменным крестом на закате стояли, словно часовые, три сосны, а в гнёздах спали аисты... Там, где после жаркого дня воздух опьянял, а к рассвету туман накрывал реку сплошным полотном...

*И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роце скрытые дороги,
И дом, где пировали мы...*

Посмеём предположить, что в тихой прохладе розовеющего заката думал он о редких минутах счастья на родной земле, когда под стрекот ночных цикад и лёгкий плеск воды вольно дышится и вольно пишется. Он, наверное, скучал без друзей и радовался их внезапному приезду, звуку колокольчика, зазвеневшего у калитки. По приезду друзей поэт оживлялся, ходил с ними на ярмарки в Святые Горы, слушал народные песни и предания. Как

признавался он своему другу Пущину, «...в этих местах он отдыхал от волнения, с музой жил в ладу, трудился охотно и усердно». И Пущину недаром бросились в глаза разбросанные кругом в доме исписанные листы бумаги и обкусанные, обожжённые кусочки перьев.

«Он, как дитя, был рад нашему свиданию... Живость его во всём проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании, им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне...»

Всему начало было для него на родной земле. Земля дала поэту «часы трудов, свободно-вдохновенных», после которых для нас остались и «Евгений Онегин», и «Граф Нулин», и «Цыганы», и «Сожжённое письмо», и «Борис Годунов»... Там же, в Михайловском и Тригорском, родились замыслы «Маленьких трагедий», «Арапа Петра Великого», зародилась мысль об издании своего журнала, осуществлённая лишь в 1836 году.

Вечереет. Хозяин берёт лейку, включает воду, поливает свой райский уголок. Время сейчас хорошее для полива. Солнце уже не печёт, не обожжётся листва, а земля напитается, напьётся водицы и даст новые силы для роста.

Хозяйка радушно приглашает нас к ужину, предлагает закусить перед дорогой.

«Нам подали закуски. На прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, быть может, скоро свидеться...»

Настала пора отъезда. Небритое улыбочное лицо Пушкина было добрым, приветливым. Он что-то хорошее говорил нам на дорогу. А нам было светло и грустно. Грустно расставаться с этим краешком земли, где мы прожили день в настоящем и прошлом. Этот день подарил нам краски и воздух прошлой жизни, неожиданно позволил стать «отшельниками праздными» и услышать едва различимое, ветром донесённое сквозь века до волжских берегов отдалённое эхо светлой лиры поэта.